

Лариса А. Калимуллина
Башкирский государственный университет

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВДЕ В ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА СРЕДНЕВЕКОВОГО ЧЕЛОВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПАМЯТНИКОВ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ)

Данная работа посвящена анализу языковой интерпретации коллективных знаний о феномене правды, характерных для древнерусской эпохи, прежде всего рассмотрению семантики слова *правда* в контексте картины мира средневекового человека. Анализ указанного слова по данным древнерусского языка необходимо предварить некоторыми общими соображениями, которые позволят более чётко представить специфику вербализации этого абстрактного феномена.

Во-первых, при анализе семантических и прагматических особенностей слова *правда* исследователи традиционно рассматривают его в соотнесённости с другим репрезентантом концептуальной пары — словом *истина*, подчёркивая при этом довольно чёткую противопоставленность стоящих за данными лексемами понятий. Так, Владимир Колесов, обращаясь к проблеме русской ментальности, пишет:

Исследователи, специально изучавшие историю наших слов, показывают, что древнерусская полярность понятия «Wahrheit» как 'действительность' — истина и как 'справедливость' — правда в результате постоянного взаимодействия терминов в специфической социальной среде постепенно сменялась взаимопересекающимися значениями, причем все время осознавалась тенденция к семантическому расширению слова *правда*. Но что безусловно объединяло оба слова в их понятийном значении — это то, что оба они отражали жизненно важные ценности духовного характера, с реальностью связанные лишь опосредованно. Различие между истиной и правдой оставалось различием между умственной и душевной сферами жизни; истина, соответствуя действительности, всегда перекрывалась правдой как нормой: правда этична, истина сущностна¹.

¹ В.В. Колесов: *Язык и ментальность*. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение 2004, с. 125.

Во-вторых, необходим хотя бы краткий этимологический экскурс, который позволит определить исходное семантическое «ядро» данной лексемы. У исследователей не вызывает сомнений тот факт, что слово *правда* является производным от *правъ*, при этом этимология последнего представляется весьма интересной. Так, Александр Преображенский в своем *Этимологическом словаре русского языка* пишет о том, что *правъ* восходит к и.-е. **prō-uo-s* с основным значением 'какой должен быть', и указывает параллели из ряда индоевропейских языков: лтш. *prāvs* 'значительный, видный', лат. *probus* 'добрый, честный, прекрасный', сскр. *pūrvas* 'первый', но также 'предпочтительный, преимущественный' и нек. др.² (Справедливости ради необходимо отметить, что в заключение словарной статьи автор приводит точку зрения Антуана Мейе о том, что происхождение слова *правъ* неясно.) Не менее важными нам кажутся размышления Юрия Степанова, который с опорой на данные *Словаря* Юлиуса Покорного отмечает следующее:

Вполне очевидным способом *правда* произведено от прилагательного *правъ*, *правъи* «прямой» и «правильный», а также «честный, праведный, поступающий по совести». Этимология этого последнего не вызывает сомнений: оно восходит к и.-е. корню **prō-* «вперед» как наречие, а также «вперед выступающий, вперед выходящий, идущий» как прилагательное и существительное с добавлением суффикса *-*uo-*, т. е. к **prō -uo-* [...]. Таким образом, *правый* означает, в сущности, «образцовый в моральном смысле», «служащий нормой или указывающий норму для следования»³.

Далее автор указывает на то, что распределение смыслов в сложном концепте «Правда — Истина» согласуется с данными других индоевропейских культур:

Так, эквивалентом рус. *правъ*, *правый* служит латин. *rectus* с теми же основными значениями. Оно восходит к существительному *rex, regis*, означающему «царь». Но, как показал Э. Бенвенист, в древней италийской культуре *rex* — это человек, глава, предводитель, который обладает правом «чертить прямые линии» — указывать расположение постройки города и храма, а также предписывать «прямую линию поведения» в моральном и правовом смысле, скорее «жрец», чем «царь» в современном понимании⁴.

Отметим, что во многих других индоевропейских языках первичная идея прямизны становилась основой для дальнейших семантических

² А. Преображенский: *Этимологический словарь русского языка*. Москва 1910–1914, с. 121.

³ Ю.С. Степанов: *Константы: Словарь русской культуры*. Москва: Академический проект 2001, с. 441–442.

⁴ Там же, с. 442.

переходов в рамках весьма продуктивной модели «конкретное» → «абстрактное», в данном случае «прямое» → «правильное». Как пишет Татьяна Топорова, этот переход, наблюдаемый в и.-е. **reǵ-*, зафиксирован в возводимых к этому корню авест. *rašta-*, греч. *ὀρθός*, лат. *rectus*: оно имеет свою типологическую параллель в лит. *tiesus*, ст.-слав. ПРАВЪ, тох. *kārme*, алб. *dreite*⁵. Интересно, что и в некоторых современных языках данная семантическая модель остаётся актуальной. К примеру, в болгарском языке слово *прав* в качестве первичных имеет значения, связанные с представлениями о прямизне: '1. Който наподобява опънат конец без отклонения и гънки. *Права дъска*. 2. Който заема вертикална позиция; отвесен, ненаклонен. *Права бутылка*. 3. Който стои; изправен. *Прав оратор*. 4. Който има право; казва истината. *Прав си*. 5. Верен, правдив, правилен'⁶ ('1. Подобный натянутой нити без отклонений и изгибов. *Прямая доска*. 2. Занимающий вертикальную позицию; отвесный, ненаклонный. *Вертикальная бутылка*. 3. Стоящий; выпрямленный, поставленный вертикально. *Стоящий оратор*. 4. Имеющий право; говорящий истину. *Ты прав*. 5. Верный, правдивый, правильный') (перевод наш — Л.К.).

В-третьих, прежде чем вести речь о специфике отражения представлений о правде в древнерусской языковой картине мира, следует определить наиболее важные, константные характеристики семантической системы русского языка старшего периода. Так, сложность семантики лексических единиц и своеобразие содержательных отношений между ними были обусловлены влиянием как собственно языковых, так и внеязыковых причин. Среди первых необходимо отметить изначальную диффузность (синкретизм) значения лексем, которая определяется таким значимым объективным фактором, как нерасчлененность мировосприятия, проявляющаяся на всех уровнях познавательной деятельности. Как полагают ученые, синкретизм представляет собой важнейший принцип архаичного, или «дологического» (Люсьен Леви-Брюль)⁷, мышления:

⁵ Т.В. Топорова: *Древнегерманские представления о праве и правде*. В кн.: *Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995*. Ред. кол.: Н.Д. Арутюнова, Н.Ф. Спиридонова. Москва: Индрик 2003, с. 616–619.

⁶ С. Буров, В. Бонджолова, М. Илиева, П. Пехливанова: *Съвременен тълковен речник на българския език с приложения*. Изд. 3. Велико Търново: GABEROFF 2001, с. 668.

⁷ Ср., впрочем, противоположное мнение о том, что антиномия между логической и прелогической ментальностью является ложной, поскольку первобытное мышление действует на путях рассудка, с помощью различений и оппозиций, а не через смешение и сопричастие, следовательно, является квантифицированным (К. Леви-Строс: *Первобытное мышление*. Пер., вступ. ст., примеч. А. Островского. Москва: Терра — Книжный клуб; Республика 2002, с. 325).

Нерасчленённость мышления порождала такие явления, как тождество различных предметов; в языке первобытного человека противоположные явления назывались одним и тем же словом. Мышление носило пространственный, конкретный характер; каждая вещь воспринималась чувственно (в философском смысле), и образ воспроизводил только внешнюю сторону предмета — то, что было видимо и ощутимо. Огромное значение имела слитность субъекта и объекта. Все предметы представлялись тождественными⁸.

Для средневекового мышления также характерны черты синкретизма, среди которых можно отметить, во-первых, «изначальную нерасчленённость понятий, их слияние с представлениями, которое проявляется, в частности, в совпадении таких категорий, как онтологическое и аксиологическое, бытие и ценность, явление и сущность, объект и субъект, причина и следствие и т.д.»⁹; во-вторых, тенденцию к типизации, а не к индивидуализации познаваемых феноменов. В соответствии с этим в древнерусском языке многие абстрактные явления интерпретируются как нечётко структурированные, «размытые» феномены. Поэтому по отношению к анализируемым единицам вполне оправданно может быть употреблён термин «синкреты», под которыми понимаются имена, в самом общем виде выделяющие события и связанный с ними предмет¹⁰. Как отмечал Александр Потебня,

[...] слово в начале развития мысли не имеет ещё для мысли значения качества и может быть только указанием на чувственный образ, в котором нет ни действия, ни качества, ни предмета, взятых отдельно, но всё это в нераздельном единстве. Нельзя, например, видеть движения, покоя, белизны самих по себе, потому что они представляются только в предметах, в птице, которая сидит, в белом камне и проч.¹¹

Это утверждение вполне справедливо по отношению к интересующей нас исторической эпохе, поскольку язык средневекового человека характеризовался исключительной полисемантической: «Все важнейшие термины его культуры многозначны и в разных контекстах получают разный смысл»¹². В трактовке Владимира Колесова, синкрета есть сложное понятие, функционально представленное как образ и вопло-

⁸ О.М. Фрейденберг: *Миф и литература древности*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Восточная литература 1998, с. 25.

⁹ С.С. Аверинцев: *Поэтика ранневизантийской литературы*. Москва: Наука 1977, с. 39–40.

¹⁰ С.Д. Кацнельсон: *Категории языка и мышления. Из научного наследия*. Москва: Языки славянской культуры 2001, с. 294.

¹¹ А.А. Потебня: *Мысль и язык*. Киев: СИНТО 1993, с. 104.

¹² А.Я. Гуревич: *Средневековый мир*. В кн.: А.Я. Гуревич: *Избранные труды*. Т. 2. Москва–Санкт-Петербург: Университетская книга 1999, с. 33.

щённое в символе (точнее, в словесном знаке), при этом синкретизм языкового знака существует объективно как выражение определённой формы сознания и является универсальным его свойством¹³.

Если же иметь в виду внеязыковые условия, влияющие на интерпретацию представлений о правде в древнерусской картине мира, то необходим учёт культурных и религиозных факторов, определяющих мировоззренческие установки средневекового сознания. По мнению Владимира Топорова,

[...] попытки определить наиболее существенные черты мировоззрения людей древнерусской эпохи нередко оказываются неудачными именно из-за того, что остаётся нерешённым вопрос о тех духовных ценностях, которые в своё время не только отчётливо сознавались, но и в значительной степени определяли поведение человека, ориентировавшееся на подобие неким идеальным образцам¹⁴.

Несомненно, что интерпретация абстрактных явлений (в том числе представлений о правде), которая находила отражение в письменных памятниках древнерусской эпохи, прежде всего была обусловлена религиозным видением мира:

То была — для людей средневековья — высшая истина, вокруг которой группировались все их представления и идеи, истина, с которой были соотнесены их культурные и общественные ценности, конечный регулятивный принцип всей картины мира эпохи¹⁵.

Описанная картина мира является константной для средневекового сознания, поскольку и в старославянском языке зафиксирована «сакрализация» абстрактных явлений, которая обнаруживается в том, что их культурная и языковая интерпретация осуществляется с опорой на главный регулятивный принцип средневековья — Бога. Как справедливо отмечает Татьяна Вендина, одной из центральных идей христианства становится идея страдания и мученичества Христа и человека: через страдания человек стремится уподобиться Богу, более того, даже надежды на будущее он связывает со страданиями, претерпев которые он надеется на спасение; чувство страха также мыслится как неотделимое

¹³ В.В. Колесов: *Философия русского слова*. Санкт-Петербург: ЮНА 2002, с. 154.

¹⁴ В.Н. Топоров: *Об одном архаичном индоевропейском элементе в древнерусской духовной культуре* — *svet-. В кн.: *Языки культуры и проблемы переводимости*. Ответственный редактор Б.А. Успенский. Москва: Наука 1987, с. 187.

¹⁵ А.Я. Гуревич: *Средневековый мир*. В кн.: А.Я. Гуревич: *Избранные труды*. Т. 2. Москва–Санкт-Петербург: Университетская книга 1999, с. 26.

от бытия: человек, погрязший в грехе, страшится будущего возмездия, а освободившись от греха, боится нового грехопадения и т.д.¹⁶

В-четвёртых, по отношению к изучаемому периоду необходимо вести речь об особом способе языковой интерпретации умопостигаемых явлений, которая носила закономерный, системный характер. Это утверждение может быть отнесено, в первую очередь, к памятникам церковно-книжной письменности (в том числе произведениям религиозно-поучительного жанра: житиям, прологам и т.д.), поскольку абстрактный характер слова *правда* обусловил его функционирование в текстах такого рода. Вместе с тем, как свидетельствуют лексикографические данные, это слово активно употреблялось и в других письменных документах анализируемой эпохи: летописных источниках, памятниках деловой письменности и т.д. Этот факт объясняется своеобразием языковой ситуации, характерной для Киевской Руси. По мнению исследователей, в начальные века русского языка наряду с ростом источников церковнославянского литературного массива начинается формирование письменных традиций светского характера¹⁷. Однако следует отметить, что до настоящего времени оценка литературно-языкового процесса изучаемого периода остаётся неоднозначной, несмотря на то что данная проблема неоднократно обсуждалась в трудах Виктора Виноградова, Бориса Ларина, Сергея Обнорского, Бориса Унбегуна, Федота Филина и мн. др. Дискуссия о соотношении двух письменных традиций Древней Руси: книжной (церковнославянской) и деловой (русской) — имеет опосредованное отношение к целям нашей работы, поскольку информация об интересующей нас лексеме извлечена из лексикографических источников, в которых недифференцированно представлен материал из произведений различных стилистических традиций и жанров. Так, Игорь Улуханов, проанализировав лексику I-го тома *Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.*, выделил три группы слов, представленных в данном источнике: 1) лексемы, свойственные, по-видимому, только языку повседневного общения, в значительной степени отражённому в светских памятниках (с генетической точки зрения они представляют собой праславянские слова, восточнославянские рефлексy праславянских слов, восточнославянские новообразования и устные заимствования); 2) слова, свойственные как разговорной речи, так и церковнославянским памятникам; 3) лексемы, характерные только для церковнославянских источников (в состав этих групп входят прасла-

¹⁶ Т.И. Вендина: *Средневековый человек в зеркале старославянского языка*. Москва: Индрик 2002, с. 254; 259.

¹⁷ О.В. Никитин: *Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVII вв.)*. Лингвистические очерки. Москва: Флинта; Наука 2004, с. 33.

вянские лексемы, старославянизмы и книжные новообразования)¹⁸. Поскольку анализ особенностей употребления слова в зависимости от функциональной и жанровой принадлежности текста осуществляется в рамках специальной дисциплины — исторической стилистики, то мы не углубляемся в суть спора о критериях определения литературного языка Древней Руси, но хотим лишь подчеркнуть, что в изучаемую эпоху памятники не были изолированными: уже тогда «происходили контаминационные процессы на уровне текстов, вследствие чего книжные и деловые элементы соприкасались в содержательной канве обеих традиций»¹⁹.

Теперь обратимся непосредственно к рассмотрению материала исторических словарей русского языка, что позволит нам установить основные направления вербализации представлений о правде. Как показывает проведённый анализ, слово *правда* в древнерусском языке имело довольно сложную, разветвленную семантическую структуру: так, в *Материалах для словаря древнерусского языка* Измаила Срезневского у этого слова выделяется 22 значения, а в *Словаре русского языка XI–XVII вв.* — 17 значений (справедливости ради необходимо отметить, что ряд этих значений характерен для старорусского языка). Основное значение рассматриваемого слова толкуется в обоих словарях тавтологично — как ‘правда, истина’: *Волити бо с правдою тищати, некъли съ лжею раширятися*. Хрон. Г. Амарт., 28. XIII–XIV вв. ~ XI в.²⁰ Это значение указывает на соотнесённость представлений о правде с эпистемической сферой, поэтому, расширив словарные дефиниции, можно примерно сформулировать его как ‘соответствие реальному положению дел’. В этом случае правда предстаёт как эпистемическая ценность, занимающая определённое место в картине мира средневекового человека. Вместе с тем следует подчеркнуть, что иллюстративный материал словарей содержит довольно много примеров сочетаемости слова *правда* в данном значении с предикатами речи: *Аште ти правдоу изглавьшоу и въ гнѣвъ впадеши отъ кого любо, не скорби о томъ*. Сбор.

¹⁸ И.С. Улуханов: *О некоторых перспективах изучения истории русского языка*. В кн.: *Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Доклады*. Часть I. Отв. ред. О.Л. Дмитриева. Москва: ИЯ АН СССР 1991, с. 152–153.

¹⁹ О.В. Никитин: *Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVII вв.): Лингвистические очерки*. Москва: Флинта; Наука 2004, с. 34.

²⁰ Толкования значений слова *правда* и иллюстративный материал даны по следующим словарям: И.И. Срезневский: *Словарь древнерусского языка*: В 3 т.: Репринт. изд. Т. 2. Москва: Книга 1989; *Словарь русского языка XI–XVII вв.* Вып. 18. Москва: Наука 1992. При указании на письменные памятники XI–XIV вв. употребляются принятые в исторических словарях сокращения.

1076 г. л. 32. Этот факт, вероятно, свидетельствует о том, что в русском языке старшей поры уже оформлялось представление о речи как естественном способе экспликации истинности/ложности суждения.

Все остальные лексико-семантические варианты (ЛСВ) данного слова, зафиксированные в анализируемых словарях, можно объединить в несколько групп, однако все эти значения репрезентируют семантический инвариант 'соответствие норме, образцу, правилу'. Следует подчеркнуть, что все ЛСВ связаны друг с другом не только логически (прежде всего посредством метонимии), но и — что гораздо важнее — концептуально, идеологически: можно наблюдать своеобразную «поляризацию» значений, которая отражает константный принцип средневекового сознания — дуализм сакрального и земного. Рассмотрим последовательно группы значений древнерусского слова *правда*, выражающих указанное противопоставление.

В кругу значений слова *правда*, связанных с представлениями о сакральном, прежде всего отметим те ЛСВ, которые отражают осмысление правды сквозь призму религиозных воззрений. Так, в *Словаре русского языка XI–XVII вв.* в качестве второго значения слова *правда* приводится ЛСВ 'справедливость как свойство праведника; праведность, благочестивость': *Яко кротость, правьда, съмѣрение, покорение, любовь... имущая ихъ въ нбсьное цръство въводять*. Изб. Св. 1076 г., 440. Приводимые далее оттенки этого значения не только метонимически связаны с ним, но и отражают расширение представлений о справедливости с религиозной точки зрения: 'справедливость как свойство божественной сущности'; 'бытие в качестве справедливого; справедливость как свойство личности Иисуса Христа': *Подобьно естъ намъ испльнити въсяку правьду*. (Матф. III, 15) Остр. ев., 260. 1057 г. Таким образом, здесь подразумевается справедливость высшего порядка — так называемая *божья правда*. Наличие этой семантики представляется вполне объяснимым, если иметь в виду высказанный выше тезис о том, что главным регулятивным принципом средневековья является Бог. Близки к этому значению и ЛСВ, связанные с представлениями о нормативности разнообразных проявлений личности, в том числе о тех нравственных качествах, которые предполагают соответствие установлениям морали, права и религии, например: 'справедливость как соответствие действий и поступков требованиям морали и права; праведные деяния, исполнение божественных заповедей, долга': *Не бѣ въ нихъ правды, восташи, и бысть промежи ими брань межусобная*. Псков. I лет. 6370 г. На наш взгляд, именно это значение подтверждает указанную выше синкретичность семантики многих абстрактных слов древнерусского языка, так как здесь в рамках одного значения

нерасчленённо передаются представления о двух аспектах правды как духовного явления: справедливости социальной («земной»), обнаруживающей себя в межличностных взаимодействиях, и справедливости внутриличностной («небесной»), которая предполагает неукоснительное соблюдение христианских заповедей. Таким образом, здесь мы имеем дело с отражением в языке представлений о правде как феномене деонтической сферы. Важно подчеркнуть также, что именно значение 'справедливость' иллюстрируется целым рядом устойчивых сочетаний, речь о которых пойдёт ниже: *правьда есть* 'справедливо', *безь правьды* 'несправедливо', *въ правьду имѣти* 'относиться справедливо' и др.: *Оклеветанаго от архіереи завистію и поруганаго отъ воинъ бес правды*. Кир. Тур. Сл. о снят. 32.

Другие значения древнерусского слова *правда* также соотнесены с деонтической сферой и реализуют коллективные знания о земной стороне этого явления, которая связывается с социальными установлениями, с правилами человеческого общежития. Так, особую группу составляют ЛСВ, которые ассоциируют понятие правды с правовой сферой, прежде всего с соблюдением закона. В этом отношении интересно значение 'установление, правило; свод законов', которое реализуется в словосочетании *Правда Русская*, представляющем собой название одного из важнейших письменных памятников Древней Руси. Как отмечает академик Борис Ларин, *Русская правда* — это официальный законодательный кодекс, а не случайно сделанная частным лицом запись каких-то судебных установлений. Примечательно, что краткая редакция этого источника представляет собой соединение двух древних памятников, один из которых, относящийся к 70-м годам XI в., носит название *Правда Ярославичей*²¹. Важно отметить и оттенок указанного выше значения — 'следование закону, строгое соблюдение буквы закона', возникший посредством метонимии: *Всяко же еже и съмотрити нѣчто на судѣ добро, и еже не оставити правьду полѣзнѣ, обое къ потребьному укланяюще и къ хранению лучшаго* (Ж. Феод. Студ.) Выг. сб., 213, XII в. К этой же группе можно отнести и те значения древнерусского слова *правда*, которые указывают на действия отдельного лица или коллектива и их результаты, имеющие правовой характер и требующие соблюдения соответствующих норм: 'право; права // признание прав' (*Идоша из Новагорода переднии мужи и сътьские, и пояша Ярослава съ всѣю правьдою и чьстью*. (Син.) Новг. I лет. (Н.), 43); 'суд; судебное ис-

²¹ Б.А. Ларин: *Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.)*. Изд. 2-е, испр. Санкт-Петербург: Авалон, Азбука-классика 2005, с. 67.

пытание'; 'договор, условия договора': *Здѣ починаеться правда*. Смол. гр. 1299 г.

Наконец, выделяется ещё одна группа значений древнерусского слова *правда*, которые соотносят представления о ней с речевой сферой: 'обет, обещание // клятва, присяга'; 'повеление, заповедь'; 'правдивые, справедливые слова, речи': *Языкь мои вьсь днь поучить ся правдѣ твоея, егда постыдять ся иштуштей зѣла мнѣ*. Псалт. Чуд.¹, 125. XI в. В первых двух случаях слово *правда* приобретает перформативный характер, представляя собой (если использовать современную терминологию) особые жанры речи.

На наш взгляд, для адекватного анализа интерпретации представлений о правде в картине мира древнерусской эпохи необходимо обратиться к сочетаниям, включающим в свой состав соответствующую лексему, поскольку именно благодаря им осуществлялось образное описание этого феномена. Однако вначале необходимо сделать две существенные оговорки. Во-первых, по отношению к древнерусскому периоду не всегда можно однозначно говорить об узуальном или окказиональном характере таких сочетаний, поскольку словари (в том числе и *Словарь Срезневского*) фиксируют их весьма непоследовательно. Именно поэтому природа и статус устойчивых сочетаний, представленных в памятниках древнерусской письменности, до сих пор с точностью не определены в лингвистике. По мнению Никиты Толстого, уже в праславянском языке существовали те же типы фразеологизмов, что и в современных языках (фразеологические единства и фразеологические сочетания), однако

[...] у нас мало надёжных критериев для того, чтобы утверждать, что многие из современных или исторически зафиксированных сочетаний, во-первых, бытовали в праславянскую эпоху, во-вторых, даже если такое бытование нам представляется возможным, что они не были свободными [...] ²².

Можно согласиться с мнением тех исследователей, которые полагают, что в древнерусском языке выделялись, как минимум, две группы устойчивых сочетаний: так называемые «собственно фразеологизмы», характеризующиеся большой степенью метафоризации, идиоматичностью семантики, и сочетания со свободным компонентом, допус-

²² Н.И. Толстой: *О реконструкции праславянской фразеологии*. В кн.: *Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов: Доклады советской делегации*. Редакционная коллегия: С.Б. Бернштейн, В.В. Борковский, Н.И. Толстой, О.Н. Трубачев. Москва: Наука 1973, с. 275.

кающие лексическое варьирование, при этом последние были более многочисленными²³.

Во-вторых, как было отмечено выше, лексема *правда* довольно активно использовалась в церковно-канонических памятниках, для которых, по мнению некоторых исследователей, была характерна сложная система образности, символических истолкований явлений действительности, метафоричности не только отдельных слов и выражений, но и целых описываемых ситуаций²⁴, унаследованная из христианско-византийской традиции перевода и толкования Библии.

Как показывает анализ фактического материала, в основе сочетаний со словом *правда* лежат определённые метафорические модели, которые, по нашим наблюдениям, в древнерусском языке обнаруживали высокую степень продуктивности и регулярности при образном описании не только правды, но и других абстрактных понятий. Как полагает Любовь Балашова, образная интерпретация «непредметного» мира наиболее активно осуществляется с участием таких метафорических макросистем, как «натуралистическая» (человек и природа), «пространственная» (человек и пространство) и «социальная» (человек и другие люди)²⁵. Проанализированный нами языковой материал позволяет несколько уточнить данное утверждение. Так, в древнерусском языке высокой продуктивностью отличается «натуралистическая» модель метафоризации, при этом наиболее важным источником семантической деривации выступают языковые единицы, которые в своём основном значении репрезентируют понятийную сферу «Человек»²⁶. Можно утверждать, что данная сфера не только является доминирующей, но и в целом предопределяет специфику образно-метафорического описания абстрактных явлений в русском языке старшей поры. При этом важно помнить замечание Ольги Фрейденберг о том, что генетически первичные типы образности носят не случайный, а довольно упорядоченный характер, поскольку нет такой ранней поры, когда человечество питалось обрыв-

²³ Л.Я. Костючук: *Сдвиг в значении как возможность фразеологизации словосочетаний на материале псковских летописей*. В кн.: *Образование и функционирование фразеологических единиц*. Отв. ред. Ю.А. Гвоздарёв. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та 1981, с. 10.

²⁴ В.Б. Силина: *Глаголы состояния с суффиксом -ова- в древнерусском языке XI–XIV вв.* В кн.: *Исследования по словообразованию и лексикологии древнерусского языка*. Отв. ред. Р.И. Аванесов. Москва: Наука 1978, с. 58.

²⁵ Л.В. Балашова: *Метафора в диахронии (на материале русского языка XI–XX вв.)*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та 1998, с. 68.

²⁶ Подробнее см. Л.А. Калимуллина: *Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков)*. Уфа: РИО БашГУ 2006, с. 162.

ками или отдельными кусками представлений. В самые первые эпохи истории мы застаём человека с системным мировосприятием²⁷.

Как показывают наши наблюдения, в составе большинства проанализированных сочетаний лексема *правда* занимает объектную либо субъектную позицию при переосмысленных предикатах различных семантических полей, в первую очередь приобщения объекта, физического действия и т.д., в силу чего это абстрактное понятие интерпретируется через его опредмечивание либо одушевление. Так, довольно продуктивной является предметная (в широком смысле) метафора, связанная с уподоблением правды материальным субстанциям (предметам, веществам и т.п.), например: *правьда дати* 'относиться справедливо, подобающим образом', 'оправдать'; *дати правьду* 'удовлетворить судом'; *правьда възати* 'добиться права', 'пользоваться правами'; *затеряти правьду* 'потерять доброе имя' и др.: *РотѢ шѢдѣ, свою правьду възмутъ*. Мир. гр. Новг. 1199 г. Кроме того, зафиксировано сочетание, в основе которого лежит метафорическая модель, связанная с одушевлением анализируемого абстрактного понятия — *погубити правьду* 'быть признанным виновным; проиграть тяжбу'. Как можно заметить, некоторые сочетания со словом *правда* иллюстрируют не одно, а несколько значений этой лексемы; ср. также: *въ (божью) правьду* 'правдиво, без обмана', 'справедливо', 'как следует, по правилу'; *по правьдѢ* 'без обмана', 'благочестиво, праведно', 'по правде, справедливо'. Этот весьма интересный факт, вероятно, можно объяснить синкретизмом значения, о котором речь шла выше: именно вследствие этого довольно трудно определить, какой из ЛСВ многозначного слова актуализируется в конкретном контексте.

Рассмотренный материал даёт возможность не только подтвердить тезис современных когнитологов о том, что

[...] структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют своим источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах, более того, ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера²⁸,

но и констатировать вневременной характер этой семантической универсалии.

Таким образом, в древнерусской языковой картине мира представления о правде интерпретируются в виде довольно стройной системы,

²⁷ О.М. Фрейденберг: *Миф и литература древности*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Восточная литература 1998.

²⁸ Дж. Лакофф, М. Джонсон: *Метафоры, которыми мы живём*. Пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой. Москва: Едиториал УРСС, 2004, с. 30.

в основе которой лежит ряд оппозиций. Прежде всего, это противопоставление «эпистемическое» — «деонтическое», которое отражает разные «векторы» осмысления данного абстрактного явления. В свою очередь, соотносённость правды с деонтической сферой также является двунаправленной, так как указывает на божественную сущность правды, с одной стороны, и её земные проявления — с другой.

Если проецировать выявленные закономерности интерпретации правды в древнерусской картине мира на существующие в данный момент представления об этом феномене, то обнаруживается, что в современном русском языке указанная оппозиция «возвышенное» (хотя уже не в религиозном смысле) — «земное» выражается отдельными лексическими единицами, а не в пределах семантической структуры одного и того же слова *правда*:

В современном русском сознании различие *правды* и *истины* четко ощущается, но взаимное расположение их в рамках этого сложного концепта несколько изменилось. Теперь *истина* связывается, скорее, с вечным и неизменным, а *правда* — с земным, изменчивым, социальным²⁹.

Вместе с тем ещё у Владимира Даля мы наблюдаем обратное соотношение смыслов:

В толковании Даля *истина* связывается, скорее, с земным, преходящим («Истина от земли»), а *правда* — с небесным, вечным («Правда с небес»). Так получается у Даля потому, что он крепко связывает понятие «правда» с божественным нравственным законом³⁰.

В заключение отметим, что изучение закономерностей отражения знаний об абстрактных феноменах в картинах мира, характерных для разных исторических эпох, является очень перспективным, так как оно позволяет не только продемонстрировать изменение этих знаний, но и выявить их панхронические компоненты.

²⁹ Ю.С. Степанов: *Константы: Словарь русской культуры*. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Академический проект 2001, с. 437.

³⁰ Там же, с. 436.

Larisa A. Kalimullina

INTERPRETACJA PRAWDY
W JĘZYKOWYM OBRAZIE ŚWIATA CZŁOWIEKA ŚREDNIOWIECZA
(NA PRZYKŁADZIE PAMIĘTNIKÓW PIŚMIENICTWA STARORUSKIEGO)

Streszczenie

Artykuł jest poświęcony najważniejszym właściwościom semantycznym wyrazu *prawda* w języku staroruskim. Autorka zwraca szczególną uwagę na analizę uwarunkowań kulturowych semantyki еунщ лексему, który odzwierciedla wyobrażenia i stereotypy charakterystyczne dla epoki średniowiecza. Aktualność tego badania wynika z braku danych diachronicznych na temat semantyki leksemu *prawda*.

Larisa A. Kalimullina

INTERPRETATION OF THE IDEAS OF THE TRUTH
IN THE PICTURE OF THE WORLD OF THE MEDIEVAL MAN
(ON THE MATERIAL OF THE MONUMENTS
OF THE OLD RUSSIAN WRITTEN LANGUAGE)

Summary

The article is devoted to investigation of the main semantic traits of the lexeme *truth* in the Old Russian language. The author gives particular attention to analysis of the cultural basis of this lexeme which reflects the traditional ideas of the truth typical for the Old Russian period. The insufficiency of the data about the diachronic aspect of the lexeme *truth* makes the research topical.